

Рос. вести - 1993 - 19 авг.

ЭТОТ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЖАЗ...

Аркадий ПЕТРОВ

Зал ЦДРИ был забит публикой до предела. На сцене девятнадцать исполнителей - старейший (достойно книги Гиннеса) джаз-оркестр мира, биг-бэнд Олега Лундстрема. В следующем году он отметит свое шестидесятилетие. К этой дате лундстремовцы планируют серию разнообразных джазовых программ, современных и «ретро». И вот первая: от Бенни Гудмана, Эллингтона и Глена Миллера до мастеров современного звучания, таких, как Гил Эванс, Гюнтер Шуллер, Тед Джонс. Волнующая жизнь и эволюция биг-бэнда.

...Трубац Юрий Парфенов «выстреливает» упругую мелодию-фанфару - начало знаменитого хита оркестра Гудмана «Зов сигнального рожка» - и... пошло, понеслось, завертелось в горячем ритме, в разноцветном калейдоскопе тембров понесся вперед джазовый локомотив. Заводной ритм танца наших дедушек и бабушек - стремительного джайва - заставляет вибрировать битком набитое пространство зала. Вот это музыка!..

А потом, номер за номером, одна «вечнозеленая» мелодия за другой: «Настроение цвета индиго» Дюка Эллингтона, «Специальная авиапочта» Бенни Гудмана, «Я становлюсь сентиментальным» Томми Дорси, бессмертные мелодии «Серенады Солнечной долины» Глена Миллера...

«Историческая» программа оркестра

Лундстрема показала, что слухи о смерти джаза сильно преувеличены. Во многих из нас, где-то глубоко внутри, в подсознании, эта прекрасная музыка продолжает жить. И именно такой музыки - молодой, горячей, оптимистической - нам как раз недостает сегодня. Ибо джазовая импровизация - это прежде всего свобода. Свобода человеческого самовыражения!

А теперь несколько фрагментов из беседы с Олегом Леонидовичем Лундстремом...

- Вы помните, с чего все это началось? То есть когда вас заразила «джазовая бацилла»?

- Конечно, помню очень хорошо. Дело было в Харбине, в 1933 году. Я рос в интеллигентной семье, отец был профессором-физиком. Дома часто музицировали - считалось, что культурные люди должны, например, уметь сыграть бетховенскую скрипичную сонату или несложный квартет... Я обучался игре на скрипке. Но, честно говоря, любил потанцевать, «пофокстротировать»... И вот однажды зашел в музыкальный магазин, чтобы прикупить к какой-то предстоящей вечеринке новые пластинки. В магазине, кстати, было множество закрытых кабинок для прослушивания, где стояли - ну, в Европе это называлось «патефоны», от названия фирмы «Патэ», а у нас в Харбине они именовались «виктролами», от американской фирмы «Эр-Си-Эй Виктор»... Я получил кипу дисков и отправился в такую кабинку. Поставил одну пластинку, другую... И вдруг - никогда прежде

не слышанный оркестр. Совсем новое звучание, отличный ритм. На этикетке было написано: «Оркестр Дюка Эллингтона». Вы скажете, что в 1933 году это имя было всем известно? Ничего подобного, известные были так называемые «коммерческие оркестры»...

В общем, получилось, что в Харбине Эллингтона открыл именно я. На пластинке была, кстати, пьеса «Старый добрый юг». Мы с друзьями прослушивали ее потом сотни раз, а когда через год решили организовать свой оркестр, то она, разумеется, вошла в наш репертуар. Вот и сегодня прозвучала...

- Итак, в 1934 году вы собрали свой первый состав...

- Сначала нас было девять человек. Играли мы популярные американские песенки, на танцах и балах. Было очень много балов - пасхальных, рождественских, новогодних, по поводу окончания школ и гимназий. Звуковое кино только появилось, ленты в основном американские, среди них и музыкальные (например, «Бродвейская мелодия»). Мы подхватывали все со слуха. Потом, в 1936 году, в Шанхае стали продаваться первые партитуры. Был там один бизнесмен, который издавал все это, причем, насколько помнится, без копирайта, то есть «по-пиратски». Но ноты его шли нарасхват, потому что в шанхайских танцзалах 1936 года играло уже почти два десятка оркестров, включая американские. Были и очень хорошие европейские музыканты, бежавшие в Китай из Германии, Австрии и Чехословакии после захвата там власти фашистами...

тами...
- Олег Леонидович, аудитория приняла вашу новую программу на ура. Но если вы взялись «портретировать» Эллингтона, Гудмана и других, то сразу же встает вопрос о точности стиля...

- Я не требую от своих музыкантов стопроцентного копирования манеры великих джазовых виртуозов. Тут достаточно намек, известного приближения. Я вообще много об этом размышлял. И пришел к выводу, что штриховая культура старых оркестров у нас будет в точности повторена, а вот имитировать манеру ритм-групп 30-х годов не будем, ритм у нас современный. Сегодня нельзя играть на ударных так, как это делал, скажем, Джим Крупа из оркестра Гудмана. Тот, старый ритм умер, ушел. Музыка должна быть живой, а не «гальванизированной»...

На концерте в ЦДРИ мы, кстати, почти не пользовались звукоусилением, исполнение было полуакустическим. И это тоже как бы один из «знаков» тридцатых годов. В естественном звучании есть своя прелесть; микрофоны, конечно, дают мощност, но они же меняют звучание, делают тембр слегка «электрическим»...

- А как вы чувствуете себя в нынешнюю «рыночную» эпоху?

- Из-за дороговизны авиабилетов (да и железнодорожных тоже) филармонии свернули свою работу - мы уже два года не выезжаем на гастроли. Ездим лишь тогда, когда транспортные расходы берут на себя спонсоры. Так было не-

давно с концертами в Ялте, в Воронеже... Нашей программой «История биг-бэнда» заинтересовалось сейчас ТВ, появился, что немаловажно, американский импресарио, который собирается записать нашу программу на компакт-диски. Его заинтересовало «русское

прочтение классики свинга». Поживев - увидим. Покуда я чувствую живую реакцию нашей аудитории - в последнее время, к счастью, заметно помолодевшей, - мы будем работать, выступать, записываться, концертничать.